

УДК 81/373.61

ОСНОВНЫЕ СВОЙСТВА ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПРИ ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ (на материале французского языка)

С.В. Балакин

Аннотация

В статье рассматриваются основные свойства синтаксической и деривационной пропозиции в русле когнитивной лингвистики. На материале французского языка выявляются основные свойства пропозиции – синкретизм, фрактальность и сворачиваемость. Под свёрнутой пропозицией подразумевается количество элементов, непрофилированных при слово- и речепорождении. Показано, что при сворачиваемости пропозициональной структуры могут возникнуть эффекты энтропии, псевдо-информации и имплицитности, которые снимаются за счёт ближнего контекста.

Ключевые слова: пропозиция, фрейм, фрактальность, синкретизм, свёрнутость пропозиции, профилирование, актаны, предикат, деривация.

Пропозиция (от лат. *propositio* ‘суждение’) играет важнейшую роль в организации нормального и адекватного процесса функционирования и развития языковой системы и находит своё отражение на различных по своему масштабу уровнях языковых единиц. В лингвистических парадигмах категория пропозиции занимает одно из центральных мест при изучении и анализе различных уровней языковой системы. Особо актуальным объектом исследования пропозиция оказывается для когнитивной лингвистики, так как считается наиболее универсальной единицей человеческого сознания, отображающей взаимодействия субъектов и объектов окружающего мира. Она имеет огромное значение в способах категоризации поступающей информации, а её онтологизм носит аксиоматический характер. Зародившаяся в русле логицизма, пропозиция определялась как верное или ложное суждение об определённой ситуации, соотнесённой с семантической константой, необходимой для формирования предложения-высказывания. Импульсом для переноса теории пропозиции в лингвистический аспект послужили логико-философские идеи Г. Фреге, отличавшего мысли от акта говорения [1, с. 35].

При построении пропозициональных моделей исследователи выделяют такие элементы, как аргументы (или актаны), базовый предикат, а также сопутствующие признаки – сирконстанты, свойство которых зависит от семантики пропозициональных отношений [2, с. 37]. Причём Н.Н. Болдырев указывает, что пропозиция построена не на основе механизма воображения, метафоры, метонимии и ментальной образности, а на определённой части опыта человека [2, с. 90], поэтому она представляет собой один из распространённых способов

концептуальной рефлексии реального окружающего нас мира. Аргументы в зависимости от типа предикатов могут иметь значения агенса, пациенса, экспериенцера, инструмента, бенефицианта или привадианта. Особыми элементами пропозиции являются сирконстанты, то есть сопутствующие ситуации элементы места, условия и т. д. Таким образом, пропозиция концептуально отображает все элементы события, за счёт которых и формируется высказывание. Пропозиция является опосредованной ментальной единицей, обеспечивающей связь между высказыванием и обозначаемым им фрагментом действительности.

В целом лингвистическая пропозиция изучается в трёх основных аспектах. Во-первых, пропозиция представляется формулой $f(x, y)$ с различными вариантами заполнения её частей разными языковыми единицами. Во-вторых, рассматриваются предикативно-функциональные отношения между языковыми единицами. И в-третьих, изучаются языковые единицы, которые могут быть сформированы за счёт конкретизации определённой пропозициональной функции [3, с. 139]. Последний аспект в первую очередь тесно связан с понятием деривации, с возникновением новых структур знаний и стоящих за ними единиц языка. На данный факт указывает и Е.С. Кубрякова, подмечая, что в основе любого производного слова лежит особая пропозициональная структура, имеющая перспективу на подсознательное её выделение и развитие [4, с. 408].

При изучении деривационных процессов вскрываются некоторые особенности и признаки пропозиции, отражающие как свойства внутренних элементов внутри самой структуры, так и её свойства при взаимодействии с другими концептуальными структурами.

Во-первых, пропозиция может входить в более объёмную, так называемую *фреймовую* структуру, отражающую некий формант знания об определённой ситуации. Поэтому в более широком контексте необходимо говорить о предложенном Т.А. ван Дейком и В. Кинчем термине *пропозициональный фрейм*: с одной стороны, это некая ситуация, а с другой – взаимоотношения, на вершине которых помещается предикат, а затем следуют список участников и события, локализующиеся по месту, времени и условиям [5, с. 186].

Можно сказать, что пропозициональный фрейм имеет универсальную природу. Так, М.Л. Макаров при исследовании «хрестоматийного» пропозиционального фрейма *субъект – предикат – объект* в русле деривации говорит, что такой фрейм реализуется на разных уровнях языковой системы, формируя соответствующие словообразовательные морфемы, грамматические формы, структуры (модели словосочетания и предложения, разные типы синтаксической связи, соответствующую падежную схему) [6, с. 31].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что пропозиция может составлять узел во фреймовой структуре, причём фреймовая структура способна включать от одного до нескольких таких узлов, формируя разветвлённую сеть пропозициональных отношений на основе личного опыта человека. Такое построение элементов, явных или потенциальных, образует мощную базу для различного рода операций с той или иной концептуальной единицей, в том числе, как было отмечено выше, она может использоваться в рече- и словопроизводстве.

Каждая отдельно взятая фреймовая структура в русле деривации может развиваться в двух направлениях. Первое знаменует реализацией фреймовой

структуры внутри самой себя, второе осуществляется при взаимодействии фрейма с другими концептуальными структурами. На данный факт указывает М. Минский, утверждая, что каждый фрейм, во-первых, «содержит множество терминалов, к которым присоединяются другие фреймы», а во-вторых, «у каждого фрейма есть также набор характеристик», достаточное количество которых «может привести к активации фрейма в целом» [7, с. 289].

Вторым свойством пропозициональной структуры, по нашему мнению, является когнитивный синкретизм, который заключается в том, что пропозиция (и/или какой-нибудь один из её элементов) может быть вербализована посредством различных морфолого-синтаксических конструкций. Соответственно, одна и та же пропозиция может служить когнитивной основой для словообразования и одновременно организовываться в синтаксический концепт (см., например, [8, 9]).

Следующее свойство пропозиции отражает её тенденцию к сворачиваемости, имеющей место как на синтаксическом, так и на словообразовательном уровнях. Под степенью свёрнутости пропозиции мы понимаем количество профилированных (вербализованных) элементов концептуальной структуры, необходимых для понимания языковых единиц разных уровней. Свёрнутость пропозициональной структуры базируется на стремлении языковых средств к экономии при слово- и речепорождении посредством когнитивной операции метонимии.

Аналізу свёрнутости пропозиции подверглись синтаксические конструкции в русле структурной лингвистики. По мнению различных авторов, свёрнутая пропозиция очень часто встречается внутри семантически осложнённого предложения и выступает в виде субстантивов, причастных, деепричастных и инфинитивных оборотов [10, с. 320]. В данном случае пропозиция сворачивается в безличные обороты с неизменяемыми частями речи и выполняет дополнительную сопутствующую роль вторичной пропозиции по отношению к главной. Критериями свёртывания пропозиции являются, во-первых, сам способ выражения её семантического предиката в виде неспрягаемой атрибутивной формы, а также степень реализации сильных валентностей предиката, способного быть центральной точкой для объединения вокруг себя сирконстантов и актантов [11, с. 83].

Л.Ч. Хен в исследовании структуры русского синтаксиса выделяет следующие способы свёртывания пропозиции [12]. Во-первых, самым распространённым способом свёртывания оказывается актуализация отглагольного существительного, определяемая Н.Д. Арутюновой как полная номинализация [13, с. 348]. Вторым способом свёртывания пропозициональной структуры является её редуцирование в инфинитив, причём необходимо отметить, что подобная свёрнутая пропозиция входит в другую развёрнутую пропозицию, например, *он уговаривал её **спеть*** [12, с. 18]. Третий способ свёртывания пропозиции – это обособление, характеризуемое исследователем как свойство синтаксической структуры «соединять в одном предложении два сообщения»: в одном выражена предикативность, а в другом – полипредикативность [12, с. 19]. Неполная номинация также является, по словам учёного, способом свёртывания пропозиции, она реализуется по формуле *тот факт (то), что* или *то обстоятельство, что*. И, наконец, пропозиции свёртываются посредством местоимения *это* [12, с. 18].

На синтаксическом и словообразовательном уровнях свёрнутость пропозиции подчинена не только её внутренним законам, но и эффекту понимания

и усвоения семантики деривата. При большей редукции словообразовательных элементов в пропозициональной структуре наступает пороговый момент, за которым может следовать информативная дисфункция, или непонимание. В соответствии с этим свёрнутость пропозиции сопряжена с тенденцией к экономии языковых средств, с одной стороны, а с другой – с имплицитностью и энтропией.

Под имплицитностью мы понимаем определённую информацию, эксплицитно не выраженную в языке. Л.А. Нефёдова выделяет три степени имплицитности: низкую, среднюю и высокую (см. [14, 15]). При этом, как утверждает исследователь, импликация представляет собой невыраженный концепт, информация которого порождает неоднозначность целого коммуникативного блока [14, с. 13]. В результате нарастания имплицитности при свёрнутости пропозиции возникает эффект энтропии.

Понятие энтропии появилось в русле изучения физики термодинамики и имело значение некоего отрицательного необратимого процесса в природе, например расходования энергии во времени. У. Эко экстраполировал понятие энтропии на теорию коммуникации и определил её как «негативное измерение смысла сообщения», оказывающееся противоположным единице информации. [16, с. 34]. М.Ю. Олешков определяет энтропию в тексте как «меру неопределённости (непредсказуемости) развития текста в дискурсивном процессе», при котором имеется возможность последующего выбора продолжения текста [17, с. 74]. Энтропия пропозициональной структуры возможна как на словообразовательном, так и на дискурсивном уровнях, она может быть преодолена за счёт профилирования дополнительных языковых средств в самой пропозиции. Соответственно, с точки зрения деривационных процессов энтропией мы называем сворачивание пропозиции с негативным знаком, который показывает потерю информации, из-за чего может иметь место деструктор смысла различения и понимания.

Когда свёрнутых элементов становится больше, чем необходимо для понимания, может наступить критический момент возникновения энтропии, снимаемый за счёт контекста. Это становится возможным благодаря большой концентрации дополнительных элементов во фреймовой структуре. Такая концентрация, по словам Л.А. Нефёдовой, достигается благодаря имплицитности, которая позволяет перераспределить когнитивную нагрузку в сценах того или иного фрейма и мотивируется избирательностью языка к признакам внеязыковой действительности [15, с. 31].

Рассмотрим виды сворачиваемости пропозиции при глагольном образовании во французском языке. Наивысшей степенью свёрнутости пропозиции, по нашему мнению, является её сокращение до одного объекта, то есть аргумента с правой стороны пропозициональной структуры, ср.: *blouse* ‘блузка’ → **mettre dans la blouse* ‘надеть блузку’ = *blouser*; *beurre* ‘масло’ → **recouvrir de beurre* ‘намазать маслом’ = *beurrer*; *catapulte* ‘катапульта’ → **lancer par catapulte* ‘забросить катапультой’ = *catapulter* ‘катапультировать’; *clope* разг. ‘сигарета’ → **fumer des cigarettes (des clopes)* ‘курить сигареты’ = *cloper*; *abîme* ‘пропасть/порча’ → **jeter dans un abîme* ‘бросить в пропасть / подвергнуть порче’ → *abîmer* ‘испортить’; *jogging* ‘бег’ → **pratiquer le jogging* ‘заниматься бегом’ = *jogger* ‘бегать’; *jeu* ‘игра’ → **pratiquer un jeu déterminé* ‘практиковать определённую игру’ = *jouer* ‘играть’; *démocratie* ‘демократия’ → **être en démocratie*

‘быть в демократии’ → *démocratiser* ‘демократизировать’; *date* ‘дата’ → **mettre la date sur* ‘назначить дату’ = *dater*; *commerce* ‘торговля’ → **faire du commerce* ‘делать торговлю’ = *commercer* ‘торговать’. Как показывают примеры, по сравнению с русским языком во французском отчётливо прослеживается большая свёрнутость пропозициональной структуры.

В результате деривационных процессов и свёртывания пропозиции со структурой *1-й аргумент-субъект – предикат – 2-й аргумент-объект* происходит формирование производного слова, представляющего собой осложнённую структуру, по которой можно проследить связи и отношения между концептуальными системами. Например, сворачивание пропозиции происходит слева направо, то есть аргумент-субъект, стоящий на позициях слева, сворачивается первым, не влияя практически на словоизменение и словообразование. Поэтому наибольшим влиянием на деривационные процессы обладают элементы справа, то есть объекты и сирконстанты.

Стоит отметить, что существует промежуточная стадия сворачиваемости пропозиции. Так, во французском языке промежуточная сворачиваемость осуществляется во многих случаях через предикат с наибольшей абстрактной семантикой (например, посредством предиката *faire*, обозначающего совершение всякого действия: *faire du twist* = *twister* ‘играть в твист’), ср.: *...elles mettent leurs mains devant leur bouche, renversent la tête en arrière, poussent les cris et tout, avec des grosses larmes dans leurs yeux* (‘они прикрывают рот рукой, запрокидывают голову, **издают крики** – и всё это со слезами на глазах’) (NEM, p. 15) / *Vince perd la patience. Il lui crie de se taire* (‘Вэнс теряет терпение. Он **кричит**, чтобы тот замолчал’) (AN, p. 20).

Иногда свёртывание пропозиции сопровождается процессом образования многозначности производной единицы. Это становится возможным благодаря универсальной способности аргументов связываться с различными предикатами, которые, по сути дела, отражают различные субъектно-объектные отношения. Например, *musiquer* = **mettre en musique* / **jouer de la musique* ‘положить на музыку / играть музыку’; *darder* = **frapper avec un dard* / **lancer comme on ferait d’un dard* ‘поражать копьём / бросить копьё’; *dialoguer* = **avoir un dialogue* / **mettre en dialogue* ‘начать диалог’; *beloter* = **jouer à la belote* / **passer une soirée à beloter* ‘играть в белот / провести вечер за игрой в белот’; *coulisser* = **garnir de coulisses* / **glisser sur coulisses* ‘оборудовать кулисами / проскользнуть за кулисы’; *abriter* = **mettre à l’abri* / **protéger par un abri* ‘дать приют / защищать’.

При этом возникает другое, не менее важное свойство пропозиции – её фрактальность, под которой мы понимаем её способность составлять часть синтаксической пропозиции, содержащей гомогенные элементы, обеспечивающие доступность свёрнутой пропозиции для понимания, а также снятие имплицитности при многозначности деривата. Поэтому подобная неоднозначная информация может быть правильно воспринята лишь при наличии сопутствующих факторов, необходимых для процесса понимания. Как было сказано выше, в пропозициональной структуре свёрнутые элементы имеют статус имплицитности. В свою очередь, синтаксическая пропозиция помогает определить значение словообразовательного элемента, профилируя необходимый участок

словообразовательной пропозиции, что на языковом уровне характеризуется эффектом влияния контекста на полисемантические единицы.

Второй вид свёртывания пропозиции заключается в профилировании не только объекта, но и какого-нибудь (и/или каких-нибудь) сирконстантов, которые на языковом уровне представлены в виде словообразовательных частиц – суффиксов и префиксов. В данном случае в свёрнутом статусе оказывается субъект (первый аргумент). Покажем это на примере префикса *dé-*, вербализующего сирконстанты с концептуальными характеристиками «реверсность» и «привативность (утрата чего-либо)»: *mystifier* ‘обманывать’ → *démystifier* ‘разоблачать’ = *priver de son mystère* ‘раскрыть обман’, *masquer* ‘маскировать’ → *démasquer* ‘демаскировать’ = *enlever le masque* ‘снять маску’, *péigner* ‘причёсывать’ → *dépeigner* ‘растрепать причёску’ = *priver d’arrangement des cheveux* ‘лишить волосы порядка’ и т. д.

Контекст способствует снятию энтропии и имплицитности и при синтетической деривации, например при префиксации и суффиксации. Л.В. Бабина при исследовании многозначности английского префикса говорит о влиянии далёкого и близкого контекстов на семантику словообразовательных элементов, раскрывая двоякую природу префикса: с одной стороны, он по своей концептуальной природе способен определять своё окружение, а контекст всего лишь показывает ситуацию, описываемую префиксальным глаголом и связанным с ним концептом. Однако, с другой стороны, контекст может изменить значение префиксального глагола, обеспечивая многозначность мотивирующей основы, а следовательно, и целого многозначного слова [8, с. 217].

Таким образом, концептуальная система префикса, за счёт которой была профилирована лишь часть пропозициональной структуры, задействует синтаксическую пропозицию, актуализирующую необходимую дополнительную информацию о префиксе: *J’enfile mon manteau et je sors* (‘Я надеваю своё пальто и выхожу (ухожу)’) (NEM, p. 31). Как показано в данном примере, префиксальный дериват *enfiler*, имеющий значения ‘вдевать нитку в иголку’, ‘пускаться в путь’, ‘обстреливать продольным огнём’, ‘надевать’, ‘смотреть вдоль’ за счёт многозначности самого префикса *en-*, приобретает однозначный смысл в конкретном случае в результате контекста, который несёт двойную нагрузку, выполняя информационную и уточняющую функции.

Кроме того, во втором случае свёрнутости пропозиции может возникнуть эффект ложного понимания языковой единицы или псевдо-информации, при которой энтропия приобретает латентный характер. Псевдо-информация заключается в возможном ложном понимании той или иной языковой единицы в результате потери одного из её словообразовательных элементов. В следующем примере при искусственном опущении концептуальной характеристики «реверсность», выраженной посредством префиксов *dé* и *en*, фраза вошла в фазу не энтропии, а псевдо-информации: *Assis dans sa chambre, Mersault enleva sa veste, tira un peu sa cravate, sans la défaire, et retroussa machinalement les manches de sa chemise* (‘Сидя в своей комнате, Мерсо **снял** куртку, освободил немного галстук, не **развязывая** его полностью, и машинально забрал рукава рубашки’) (LMH, p. 74) → **Assis dans sa chambre, Mersault leva sa veste, tira un peu sa cravate, sans la faire, et retroussa machinalement les manches de sa chemise*

(‘Сидя в своей комнате, Мерсо **надел** куртку, освободил немного галстук, не **завязывая** его полностью, и машинально забрал рукава рубашки’).

Частично преодолеть псевдо-информацию также помогает свойство фрактальности за счёт сопутствующих пропозиций, концептуальные характеристики которых должны быть более-менее салиентными (соответствующими) упущенному сирконстанту и находиться близко от него, ср.: *Ses cheveux **dépeignés** dans la course de train, **retombaient en désordre sur son front jusqu'à deux plis profonds entre les sourcils*** (‘Его волосы, **растрёпанные** от скорости поезда, **беспорядочно спадали** на лоб прямо на две глубокие морщины между бровями’) → **Ses cheveux **peignés** dans la course de train, **retombaient en désordre sur son front jusqu'à deux plis profonds entre les sourcils*** (‘Его волосы, **причёсанные** от скорости поезда, **беспорядочно спадали** на лоб прямо на две глубокие морщины между бровями’) (LMH, p. 74).

Третий вид свёртывания пропозиции показывает, что структура свёрнута до одного из сирконстантов. Это отражает тот факт, что для понимания слова необходима его привязка к условиям ситуации. Ввиду безграничного разнообразия окружающего мира при формировании слова может быть задействован любой из сирконстантов, например, «форма» (*antenne* ‘антенна’ = **appendice tactile des insectes* ‘тактильный **отросток** у насекомых’), «место» (*Brie* ‘бри’ = **fromage de Brie* ‘сыр из региона **Бри**’; *Coulommiers* ‘куломье’ → **fromage de Coulommiers* ‘сыр из региона Куломье’). Третий вид свёртывания пропозиции указывает на отсутствие жёсткого предикатоцентризма словообразовательной пропозиции, в отличие от синтаксической, элементы которой строятся по радиальному способу вокруг предиката [18, с. 62].

Четвёртый вид свёртывания пропозиции профилирует предикат и объект. Следует отметить акциональный характер данного способа, что акцентирует функциональную нагрузку называемого предмета или явления: *casse-cou* (‘опасное место’, букв. ‘ломать + шея’), *casse-croûte* (‘перекус’, букв. ‘ломать + пирожок’), *casse-gueule* (‘смелая затея’, букв. ‘ломать + глотка’), *casse-noisettes* (‘Щелкунчик’, букв. ‘ломать + орешки’), *casse-noix* (‘ореховка’, букв. ‘ломать + орех’), *casse-pieds* (‘занудный человек’, букв. ‘ломать + ноги’), *casse-tête* (‘палица, кастет’, букв. ‘ломать + голова’); *cache-nez* (‘шарф, кашне’, букв. ‘прятать + нос’), *cache-pot* (‘кашпо, горшок для цветов’, букв. ‘прятать + горшок’); *arrache-clous* (‘гвоздодёр’), *arrache-moyeu* (‘съёмник для втулок’), *arrache-pied* (‘не покладая рук’, букв. ‘вырвать + нога’), *arrache-racine* (‘клубнекопатель’ букв. ‘вырвать + корень’).

Подобный способ оказывается довольно распространённым при терминологическом образовании. Чаще всего встречаются следующие языковые деривационные модели: «существительное + прилагательное», сложение двух основ, «существительное + предлог + предикат», «существительное + предлог + существительное», «существительное + существительное», ср.: *couteau-scie* ‘нож-пила’ = **couteau dont la lame porte **des dents** et qu'on utilise pour couper les aliments* ‘нож, лезвие которого зазубрено для резки продуктов’; *alarme-signal* ‘сигнал тревоги’ = **cri pour **appeler aux armes, annoncer un danger*** ‘звук (здесь ‘крик’) призыва к оружию, предупреждения об опасности’; *avant-garde* ‘авангард (передовой)’ → **ensemble des éléments de reconnaissance et de protection qu'un **troupe en avant d'elle*** ‘совокупность частей разведки, находящихся впереди воинской части’.

Итак, пропозициональная структура по своей сущности обладает несколькими характеристиками, в частности синкретизмом, который выражается в трёх направлениях. Во-первых, пропозиция может быть одновременно как словообразовательной, так и синтаксической. Во-вторых, одни и те же элементы одной пропозиции могут участвовать в образовании разных единиц. И, в-третьих, наибольшей способностью к профилированию и к словообразованию, как показало исследование, обладают элементы с правой стороны пропозиции, то есть объекты и сирконстанты. При этом пропозиция имеет тенденцию к сворачиваемости, то есть способность профилировать только те свои участки, которые необходимы для формирования языковой единицы. Те элементы, которые не оказывают сильного влияния на правильное понимание семантики языковой единицы, могут оставаться непрофилированными.

Сворачиваемость пропозиции становится возможной за счёт того, что язык и мышление стремятся к большей языковой упрощённости. Пропозиция может быть свёрнута до минимального количества элементов, при котором дериват может существовать (иначе при дальнейшем сворачивании он будет непонятен говорящим (носителям языка)). При этом возникает эффект энтропии и импликации, то есть сокрытия или потери информации. Таким образом, оптимальная степень сворачиваемости пропозиции при словообразовании – это тот момент, когда экономия языка проявлена максимально, но при этом не наступил эффект энтропии, псевдо-информации или импликации. Энтропия может быть преодолена за счёт фрактальности, которая профилирует элементы окружающих пропозиций, как словообразовательных, так и синтаксических.

Summary

S.V. Balakin. Basic Properties of Propositional Structure in Derivational Process (Based on the French Language).

This article studies the basic properties of syntactic and derivational propositions in the tideway of cognitive linguistics. A proposition consists mainly of arguments (actants), predicates and circonstants. Using the French language as an example, we reveal such properties of propositions as syncretism, fractality and contractibility. Contractibility of propositions implies the number of elements which remain non-profiled in word and speech production. We show that contractedness of a propositional structure can lead to the effects of entropy, pseudo-information and implicitness, which are left out by the neighboring context.

Keywords: proposition, frame, fractality, syncretism, contractedness of proposition, profiling, actants, predicate, derivation.

Источники

NEM – *Vigan D. de. No et moi.* – Paris: JC Lattès, 2007. – 256 p.

AN – *Favan C. Apnée noire.* – Paris: Toucan noir, 2014. – 384 p.

LMH – *Camus A. La mort heureuse.* – Paris: Gallimard, 2010. – 176 p.

Литература

1. *Фреге Г. Логика и логическая семантика.* – М.: Аспект Пресс, 2000. – 512 с.

2. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – 123 с.
3. *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с.
4. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славян. культуры, 2004. – 560 с.
5. *Дейк Т.А. ван, Кинч В.* Стратегия понимания связанного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – С. 153–211.
6. *Макаров М.Л.* Пропозициональный подход к деривационным процессам // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистики. – Пермь: Перм. ун-т, 1991. – С. 30–32.
7. *Минский М.* Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – С. 281–309.
8. *Бабина Л.В.* Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи. – М.; Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – 264 с.
9. *Фурс Л.А.* Синтаксически репрезентируемые концепты: Дис. ... д-ра филол. наук. – Тамбов, 2004. – 370 с.
10. Современный русский язык: в 3 ч. – Минск: Плопресс, 1998. – Ч. 2: Словообразование. Морфонология. Морфология. – 544 с.
11. *Захран С.Х.* Типы редукции пропозиции, выраженной причастным оборотом // Язык, сознание, коммуникация. – М.: Филология, 1998. – Вып. 3. – С. 79–90.
12. *Хен Л.Ч.* Структура и формирование предложений с пропозициями неполной номинализации в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 164 с.
13. *Арутюнова Н.Д.* Сокровенная связка: к проблеме предикативного отношения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1980. – Т. 39, № 4. – С. 347–358.
14. *Нефёдова Л.А.* Когнитивно-деятельностный аспект имплицативной коммуникации: на материале французских текстов и их переводов на русский язык: Дис. ... д-ра филол. наук. – Челябинск, 2001. – 312 с.
15. *Нефёдова Л.А.* Когнитивные особенности представления имплицитности в художественном тексте // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 82. – 2013. – № 24 (315). – С. 31–34.
16. *Эко У.* Открытое произведение: Форма и неопределённость в современной поэтике. – СПб.: Акад. проект, 2004. – 384 с.
17. *Олешков М.Ю.* Энтропия текста (опыт дискурсивного анализа) // Вестн. Пятигорск. гос. лингв. ун-та. – 2005. – № 3–4. – С. 73–80.
18. *Косырева М.С.* Деривационно-фреймовая парадигма как единица когнитивного описания системных отношений на уровне словообразования // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 26. – 2008. – № 30 (131). – С. 58–67.

Поступила в редакцию
18.08.14

Балакин Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой «Иностранные языки и межкультурные коммуникации», Уральский государственный университет путей сообщения, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: SBalakin@usurt.ru; sergiorusso2007@yandex.ru